

Марксизм и наука

Когда спорить с марксистом, то нередко приходится слышать вопрос: ну, а **кого** вы ставите на место Маркса? — назовите имя. В лучшем случае вопрошающий скажет во множественном числе: имена? Этот вопрос весьма характерен для панично-сектанского, не научного мышления. Сектант обязательно должен представлять истину в олицетворенном виде. Антропоморфизм — отличительный признак его мышления, если можно здесь о мышлении говорить.

Но для человека действительно мыслящего, а не верующего ответ на приведенный вопрос не представляет никаких затруднений. На место Маркса в области социологии, политической экономии и истории мы ставим **науку** социологии, политической экономии, науку истории. А кто персонально из деятелей этих наук их воплощает — было бы смешно говорить, так как имя им — легион. Творят науку не только отдельные выдающиеся ее представители, но и целые армии ее безвестных работников. Это настоящее коллективное творчество. Рост и развитие научного знания — почти молекулярный процесс. Что если бы мы избрали какогонибудь, пусть даже гениальнейшего представителя, например, физики и на нем остановились, как олицетворении всей физики, решившем раз-на-всегда все ее проблемы? В этом случае мы имели бы теорию этого ученого, его преходящую точку зрения, но не науку физики, которая нередко в течение одного года переживает целые пертурбации. Но именно так поступили марксисты, при том, в отношении не только какойнибудь отдельной отрасли научного знания, но всего вообще человеческого знания. Для них марксизм — это и астрономия, и биология, и философия, и все, что угодно. Тому, кто следит за официальной квази-научной литературой Советской России, трудно даже поверить, что эти люди искренно так думают, как пишут и говорят. Тут даже не наивность, даже не невежество, а какой-то психологически удивительный маскарад: нельзя же в самом деле человеку просто громатному и просто здраво-мыслящему думать, что Маркс один и навсегда исчерпал все бесконечно многообразное знание современного человечества, и что духовная история мира с ним должна кончиться.

Зрелище этого странного маскарада еще больше усиливается от того, что марксизм, учение крайне одностороннее с самого начала, теперь к тому же во многом уже просто не на уровне современного знания. Сложившись в основном в середине прошлого века, он, таким

образом, почти на сто лет остался позади движения научной мысли. Срок слишком большой при наших головокружительных темпах развития. А между тем, его последователи и теперь продолжают мыслить по правилу пифагорейцев: «так сказал учитель», — так говорит Маркс.

В наше время об этой доктрине, которая когда то возбуждала так много полемических страстей, можно было бы уже говорить спокойно. Теперь она в значительной своей части имеет только исторический интерес. К сожалению, это верно, — только не для нас. На нашей родине эта доктрина признана официальной и монополевой. Во имя ее кромсается и подавляется жизнь целого народа, а теперь, в виду пависшей военной угрозы, ставится под вопрос само его государственно-национальное бытие. Вот почему на страницах нашего издания ему еще так много посвящается места, и вот почему наше отношение к нему не может быть, к сожалению, только историческим и объективно спокойным.

Ю. Тырков.